

Е.З. МАЙМИНАС

О социально-экономических особенностях развития России*

Рассуждая о социально-экономическом развитии России, я исхожу прежде всего из возможности рационального анализа этого процесса, что само по себе контрастирует с известным пютчевским тезисом "умом Россию не понять". Кроме того, важно, что специфика развития отнюдь не обязательно предполагает его уникальность, исключительность определяющих путь страны факторов и условий. Многие (а возможно, и большинство) из них можно легко обнаружить в целом ряде стран. Скорее, специфика проявляется в своеобразии сочетания этих факторов и условий, в динамике такого сочетания, не остающегося неизменным на протяжении истории.

Здесь важно, что и само соотношение общего и особенного в развитии данной страны изменяется в историческом времени. Чем шире и прочнее связи с другими странами, тем сильнее и общие черты. Причем существенно, является ли эта связь связью противостояния, отторжения или взаимобмена, сотрудничества, заимствования. Наконец, объем самого понятия "Россия" также меняется со временем. Был, скажем, период, когда власть над Русью делили Москва, Литва и Новгород, и Русь относилась ко всем этим трем центрам. Здесь, пожалуй, важнее национальное самосознание, самоощущение, понимание своей общности. Когда А. Пушкин говорил о "Руси великой", куда входит "и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык", а те признавали власть "белого царя", то это и была Россия.

Перейдем теперь к характеристике *факторов и условий развития*. К *природным* относятся величина страны, богатство природных ресурсов, слабая заселенность и преимущественно северное местоположение государства, раскинувшегося на двух континентах, а также отсутствие по значительной части ее периметра трудно преодолимых природных рубежей. Последний фактор в свое время способствовал движению завоевателей с Востока и Запада, набегам с Юга. Но он же облегчал и колонизацию на Север, Юг и Восток вплоть до Тихого океана.

Геополитические факторы прямо связаны с природными условиями, веками выводя на первый план высокую степень милитаризации и централизации огромной державы для обеспечения ее сохранности и единства. Этап собирания русских земель во времена ордынского ига и после освобождения от него, противостояния с Литвой завершился победой Москвы и перешел в этап завоевания и колонизации соседних странств и народов (оба этапа в русском сознании слиты воедино). В итоге образовался гигантский мост между Европой и Азией, объединяющий Лес и Степь, но он был на северной мировой периферии. Отсюда тяга к морям, стремление прорубить "окно (а если удастся - и дверь) в Европу", "бросок на юг", о чем так охотно говорят сегодня национал-патриоты, живущие отошедшими в прошлое имперскими представлениями.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-02-02065).

М а й м и н а с Ефрем Залмович - доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Исторические обстоятельства во многом уточняют и располагают во времени возникновение геополитических факторов. Так, нашествие Батые и последующее ордынское иго на два столетия отодвинуло "нормальное" развитие Киевской Руси, сдвинуло далеко на север его ось и повлияло на характер этого развития, нанесло народу глубокую национальную травму. Подобные травмы нанесла Смута, первые поражения и огромные потери в войне 1812 года, в обеих мировых и гражданской войнах (да и поражения в Крымской войне и в русско-японской войне не забывались). Последней травмой стало "поражение" в холодной войне и распад СССР. Отсюда принимаемая и "верхами", и "низами" необходимость в "догоняющем развитии", в спешной модернизации после поражений - во взнуздывающих преобразованиях Петра и кроваво-жестоких мерах И. Сталина, в более спокойных реформах Александра II и П. Столыпина, в рыночных реформах Б. Ельцина (хотя каждый из таких этапов наталкивался на сопротивление, что мешало довести реформы до конца и порой приводило к неожиданным результатам).

К тому же исторически в России, по сути, так и не сформировалась почва для демократии в отличие от Европы, где она по крупицам складывалась на протяжении веков. Если там в гордых самоуправляющихся торгово-промышленных городах средневековья сам воздух делал подневольного человека свободным, то в России города в основном создавались и развивались как опорные военные узлы централизованной обороны.

Социально-психологический и культурный комплексы факторов по-своему преломляют все особенности российского развития: его славянскую, обретшую православие первооснову, византийское влияние (против которого впоследствии выступил церковный раскол), противоречивые отношения с Ордой, а затем и с мусульманским миром, многослойные связи и влияния Европы, в том числе католицизма, протестантских - голландских, шведских и особенно немецких - импульсов, французского Просвещения, наконец, западной демократии.

Все это отразилось и на *этнических* характеристиках населения России, где в разные периоды истории по-разному сосуществуют и смешиваются славяне, угро-финны, балты, степняки, монголоиды, северные племена и др. Вообще многоэтничность наложила свой отпечаток на все развитие огромной страны. Пожалуй, сейчас население России в ее нынешних границах более мононационально (свыше 4/5 составляют русские), чем за последние столетия. Поэтому в настоящее время вполне правомерно исходить из особенностей именно русского национального характера, учитывая, разумеется, его связи и взаимовлияния с другими составляющими Российской Федерации, с ближними и дальними соседями.

Многие исследователи русских социальных архетипов в качестве одной из базовых характеристик выделяли терпение (в отличие от фатализма или стоицизма предполагающее осознанный выбор именно такой линии поведения) [1]. С ним сопрягаются не только смирение и даже жертвенность, высокая значимость духовных идеалов, но и сравнительно слабое внимание к труду как к источнику материального благосостояния, запоздалая или замедленная реакция на внешние стимулы и вместе с тем ожидание быстрых результатов проводимых "внешних", прежде всего государственных, мероприятий, своего рода ожидание чуда.

В мире существуют и другие большие государства со сложным этническим и конфессиональным составом (Китай, Индия, США), а также государства, большая часть территории которых расположена в маргинальных северных условиях (Канада). Многие в свое время переживали тяготы раздробленности и оккупации (Германия). Долгие столетия жили обособленно от внешнего мира японцы, что наложило свой отпечаток на их национальный характер. Словом, у каждой страны то или иное сочетание факторов, определяющее своеобразие ее развития.

Каково же оно у России? Прежде всего бросается в глаза *амбивалентность* многих ведущих характеристик, вытекающая из своеобразия их сочетания. Назовем некоторые. Европа и Азия, Лес и Степь, что порождает различия в хозяйствовании, быте,

ментальности людей. Континентальность и огромная морская линия на Северном Ледовитом и Тихом океанах. Вековое подчинение власти и отторжение от нее, понимаемой не как "мы", а как "они". Чувство державного величия, гордости за державу и чувство индивидуальной приниженности, зависимости. Подчиненность, долготерпение и бунтарство. Авторитаризм и соборный идеал. Централизованное иерархическое государство наверху и общинность внизу. Подобная амбивалентность неразрывно связана с амбивалентностью всего пути развития России. Она предстает как важнейшее звено между Востоком и Западом, понимаемыми не только в географическом смысле, а как цивилизационные центры, как звено, подверженное воздействиям и воздействующее на обе эти стороны, само приближающееся то к одной, то к другой из них. (Как бы отображением сей черты предстает двуглавость орла на российском гербе.)

Вместе с тем в динамике России можно проследить некоторые исторически сложившиеся вековые доминанты, проходящие лейтмотивом сквозь все противоречия и переплетения разных периодов. Исторически господствуют две - державность и соборность. Изначально первая насаждалась "сверху" и объяснялась необходимостью защиты от внешнего врага, а вторая складывалась "снизу" в процессе соседской взаимопомощи в малозаселенной стране. За столетия своего формирования обе эти компоненты "притерлись" друг к другу, даже стали обуславливать друг друга.

Державность в России - не просто примат государственного начала, который можно считать характерным признаком государственничества. Оно, как правило, перерастает в идеологию и политику централизации власти, и далее в авторитаризм или тоталитаризм, что закрепляет ведущую роль бюрократии, в частности военной и военно-промышленной. Ведь державность многие не мыслят без большой и мощной армии, что приводило и вновь может привести к милитаризации страны.

Легко проследить, как опять нарастают указанные составные части российской державности в политике, экономике (правда, пока для их реализации не хватает сил) и особенно в идеологии и пропаганде "величия державы". Последнее стало козырной картой в политической, в частности предвыборной, борьбе, что подпитывается чувством национальной ущемленности от всех поражений (в холодной войне, в Афганистане, в Чечне).

Соборность в традиционном понимании - это не только общинность, примат артельного начала, но и нивелирующий, а то и подавляющий личность коллективизм, уравнительность и далее патернализм, иждивенчество, надежда в решении своих проблем на государство, а не на собственные силы. Последнее напрямую связывает соборность с державностью. Соборность помимо сострадательной доброты, взаимопомощи и так прекрасно воспетого Ф. Достоевским чувства всечеловечности нередко перерастает в мессианиззм, в нетерпимость к инакомыслию, чем умело пользовались большевики-ленинцы. Да и теперь опора на государство, государственную ответственность и помощь (хотя в жизни они резко ослаблены) - один из лейтмотивов пропаганды их наследников.

Укорененность этих многовековых черт *социально-экономического гено типа* (СЭГ)¹ - залог прочности нынешней структуры российской власти и "естественности" ее идеологии. Разумеется, со временем меняются соотношение, "удельный вес", сам облик тех или иных характеристик, появляются новые, уходят в тень или даже исчезают какие-то старые. Примером может служить весь комплекс процессов урбанизации России. Проведенная по-сталински вкупе с раскулачиванием, коллективизацией, индустриализацией, она как бы взрывом вырвала из деревни миллионы бывших крестьян, бросила их в абсолютно чуждую среду. Но с ней же были связаны и ликвидация неграмотности, резкое расширение образования населения, и распад крестьянской патриархальной семьи, и массовое вовлечение женщин в промышленность, и преобразование общинных традиций в промышленно-городских условиях, и многое другое.

¹ О СЭГ как об информационном механизме общественной эволюции подробнее см. [2-S].

Процесс развития каждой страны не жестко детерминирован. Он альтернативен по своей природе (что затрудняет его прогнозирование). Обычно Россия проскакивала исторические развилки, которые могли привести к большей демократии и децентрализации власти, неизменно продолжая авторитарные и централизованные варианты развития. Так было, когда державный каток Московского государства раздавил вольные города - Новгород, Псков и Вятку и их веча в XV-XVI веках. Так было, когда при Алексее Михайловиче и с воцарением Петра тихо "скончались" даже совещательные Земские соборы. Так было и когда после восстания Е. Пугачева прекратилась работа екатерининской Комиссии по Уложению, и когда после восстания декабристов остались пылиться в архивах конституционные проекты М. Сперанского, и когда кровавое нетерпение народовольцев прервало развитие реформ Александра II. Созданная в результате революции 1905 года полудемократическая Государственная дума канула в Лету вместе с царизмом в 1917 году, а демократическое Учредительное собрание было на второй день разогнано большевиками в начале 1918 года.

Сейчас Россия находится на очередном и очень сложном историческом перепутье. Вновь сошлось многое - и технологическое отставание с переходом в постиндустриальное общество, и национальная ущемленность, связанная с распадом советской империи, и необходимость коренного преобразования общественно-экономического строя жизни на рыночных началах в небывалых для России прежде рамках гражданского общества и правового государства.

Привычное стремление решить все проблемы одним рывком вместо последовательной, пусть и умело подталкиваемой эволюции - еще одна характерная черта российского государственного менталитета, которая дает о себе знать и сегодня. Соответственно, одни стороны внутри единого процесса отстают и тормозят общее развитие, другие, забегаая вперед, отрываются от него и порой хиреют и гибнут. Так, скажем, обстоит дело с задержкой в формировании массового мелкого частного производства в городе и деревне - естественной питательной среды и хозяйственной базы рыночной экономики в целом. В то же время искусственно стимулируется создание финансово-промышленных групп. По-прежнему растет и крепнет неистребимая российская бюрократия, ведущая свою историю от московских приказов и петровских коллегий, прошедшая горнило царских министерств и партийно-советского аппарата. Пока она во многом определяет и будущее России.

Достаточно сравнить август 1991 года с днем нынешним, чтобы понять коренное отличие атмосферы обоих периодов: романтика выветрилась, шумное митингово-баррикадное противостояние улеглось, из рассеявшегося тумана выступило подлинное лицо "старой новой власти". Этот процесс занял почти 10 лет (с XIX конференции КПСС 1988 года до президентских выборов 1996 года).

В итоге у "руля" снова утвердился, по сути, издавна властвующий в России в разных обликах и под разными вывесками "правлящий слой", оседлавший государство как свою основную опору и главный источник своего богатства. Это общий стержень российской власти при всех переворотах и революциях. Более или менее независимые от него постоянно уничтожались: боярскую аристократию истребил Иван Грозный и окончательно нивелировал Петр I, дворянское вольнодумство искоренил Николай I, а идеологизированную "ленинскую гвардию" выкорчевал Сталин. Он же покончил с относительно независимым частнособственническим крестьянством, которое в свое время пестовал Столыпин.

Правящий слой в России рекрутировался из разных социальных групп: из аристократии, дворянства, чиновничества, купечества, низших сословий. На протяжении веков их соотношение, конечно, менялось и весьма существенно (например, во времена Петра или, особенно, после Октября). После Октября "кто был никем, тот стал всем" в том смысле, что из низших слоев резко пополнился слой правящий, а старые его члены были в преобладающей своей части устранены; но подавляющее большинство населения реально, а не декларативно осталось еще более бесправным. Вхождение в слой номенклатуры было обставлено жесткими правилами и фильтрами,

и как никогда прежде вхождение во власть predetermined собой все остальное [6]. В этом смысле коммунистический режим в России был логическим завершением процесса огосударствления правящего слоя, высшей формой его слияния с государством. В России почти всегда власть могла так или иначе лишиться подданного собственности - основы его независимости, а то и жизни. Она "кормила", но она и карала.

В то же время широкие слои народа почти всегда искали какой-то защиты своих минимальных интересов от своеволия и беспредела власть имущих у того же государства как социального института. Обычно образ защитника персонифицировался в высшей, почти божественной власти царя или сменившего его генсека. И надо сказать, что такое обращение через голову непосредственного начальства к высшим инстанциям иногда приносило плоды. Так государство реально обеспечивало "единство общества", хотя оно никогда при этом не было демократическим.

Многовековая традиция опоры правящего слоя на государство и упования народа на него же пока не только не искоренена, но, напротив, снова оживает. Она явно противостоит представительной демократии. Следовательно, даже если мы действительно переживаем период перехода к рыночной экономике, то в нем неизбежно будет преобладать роль государства и связанной с ним бюрократии. Самодействие рыночно-негосударственных механизмов заведомо и долго будет подчиненным.

На новом витке истории происходит (с поправкой на эпоху) как бы возврат к до-октябрьским временам: частная собственность, зачатки демократии, гласность вроде есть, но они неустойчивы, не гарантированы. Во многом мы движемся по старой колее - огромных возможностей, неподконтрольности и реальной слабости высшей власти, неформальности прав и ответственности отдельных ее ветвей и звеньев: независимости правительства от Думы, бесплодных думских словопрений и т.д. Разумеется, есть существенные отличия в расстановке и идеологическом оформлении политических сил, в их связях с социальной базой.

Ныне в России правящий слой состоит из части старой номенклатуры, из "новой номенклатуры", из части "новых русских" - скоробогатеев, во всех своих частях переплетенных с теневой экономикой и криминальными структурами. Все более выступают его родовые типично российские черты, из которых главные - связь с государством, отрыв от народа [7, 8].

О том, что это так, свидетельствуют широко известные факты, надо только рассмотреть их вместе: не было ничего подобного Нюрнбергскому процессу и денацификации, была амнистия "гэкачепистам" и участникам событий 1993 года; не было серьезных банкротств, продолжают массовые гигантские неплатежи, а миллиарды рублей "прокручиваются" в коммерческих банках или утекают за рубеж; практически не раскрываются заказные убийства, всерьез не карают за масштабную коррупцию, за огромные хищения. Такое всепрощение "своим" показывает, кто включен в это понятие властью. Приведенные факты отнюдь не исключают как ожесточенной борьбы между отдельными группировками правящего слоя, так и криминальных "разборок" - меняются люди внутри слоя, но не глубинный характер установленной им власти. Этот консолидировавшийся правящий слой сейчас активно "оформляет" свою идеологию, старается сделать ее привлекательной для масс, ищет "общенациональную идею".

Россия - не первая и не единственная страна, идущая по пути от государственной к рыночной экономике. Переход к рынку определяется экономико-технологическими императивами современной эпохи, эпохи постиндустриального, информационного общества. Она требует разнообразия индивидуальных, преимущественно творческих усилий, эффективность которых не может быть установлена и оценена единым внешним планом и обеспечена административным предписанием и контролем. В таких условиях рынок незаменим, и страны, опирающиеся на нерыночно-государственное планирование и управление, неизбежно отстают все больше и больше. Причем речь идет обо всех характеристиках развития: экономического роста и эффективности,

социального благосостояния и уровня жизни, политической стабильности и единства общества, культурных возможностей, психологии гордости за свою страну и т.п. Это поняли коммунистические правители СССР и Китая - двух великих "социалистических" держав. Это поняли в еще большей степени лидеры их стран-сателлитов. Так что переход к рынку - действительно императив.

В том же направлении движутся бывшие республики СССР, страны-члены бывшего СЭВ, Китай. За исключением двух пока еще сохраняющихся анклавов "реального социализма" — Кубы и Северной Кореи, ранее прокламировавшие его государства в той или иной мере и форме ныне объявляют о переходе к рынку. Россия в этом отношении занимает промежуточное место между странами Восточной Европы и Азии. Первые (включая Балтию) просто вырвались из-под навязанного им "социалистического" прессы. Для них это был более или менее болезненный возврат к прежнему относительно "нормальному" развитию, хотя у каждой были свои довольно существенные особенности (сравним промышленно развитую демократическую Чехию и в прошлом отсталые и далеко не демократические монархии Болгарии и Румынии).

По-иному обстояло дело в других странах с огосударствленной экономикой. Она была призвана решать и частично решала очередные макроэкономические и социальные задачи, прежде всего индустриализации (в комплексе с урбанизацией, образованием, каким-то уровнем здравоохранения). Для названных стран в той или иной степени речь шла не о возврате к современной рыночной экономике в собственном смысле слова, хотя в самой России она была относительно полнее развита, чем, скажем, в Китае, а о новой задаче ее становления. Причем люди, знавшие, что это такое, на собственном опыте, были наперечет.

Вообще роль государства в экономике на протяжении Новой истории возростала с Запада на Восток. Она всегда была относительно меньшей в англосаксонских странах протестантской культуры, возростала в романских католических странах (недаром именно там в XX веке был всплеск корпоративизма, фашизма, франкизма и т.п.), дальнейший рост просматривается в славянских и православных странах, еще более - в мусульманских странах и, наконец, в странах конфуцианской культуры и этики, где государство издавна рассматривалось как высшая ценность.

Соответственно, в обратной пропорции изменялась и ценность отдельной человеческой личности. А ведь рынок, конкурентный рынок в смитианском его понимании исходит именно из признания суверенности независимого товаропроизводителя. Не следует думать, что дело ограничивается собственно экономикой, признанием частной собственности. Речь идет о всестороннем примате человека, человеческой личности — в экономике и праве, в культуре, здравоохранении, экологии, в повседневном быте и в действиях власти.

Сложившаяся в данном обществе система ценностей предопределяет и особенности перехода к рынку, и его последующую стационарную специфику. Поэтому даже в самом благоприятном варианте переходного процесса рынок в разных странах будет далеко не одинаков. Скажем, в России государство и бюрократия пронизывают и негосударственные рыночные структуры, предопределяют их жизнедеятельность. Со своей стороны рынок существенно влияет на бюрократию, коррумпируя ее тем сильнее, чем большая часть рыночных решений зависит от нее. Так что рынок и государство - не просто две взаимодействующие системы, а две взаимопроникающие, видоизменяющие друг друга части одной системы экономики.

Как пойдет переходный процесс дальше? В центре российских споров о будущем долго будет стоять проблема "больше государства - меньше государства". Но поэтому в ближайшем будущем, на мой взгляд, не имеют перспективы идеи и программы, опирающиеся на суверенитет и примат личности: ни переход к либерализму, ни анархические программы и группки. Получат приоритет идеи и программы, опирающиеся на примат государства или требующие относительно "больше государства". Скорее всего за власть станут соперничать консерваторы (пусть даже в обычном, западном понимании) - при относительно большей роли частного капитала,

но с идеями государственности, даже державности, и авторитаристы - с большим государственным сектором и централизованной властью. Определенные перспективы (по мере наполнения казны и роста возможностей реализации серьезных социальных программ) могут иметь и направления социал-демократического толка, опирающиеся на идеи российской соборности. В любом случае успех будет в немалой степени зависеть от того, как тому или иному направлению удастся "засыпать" или хотя бы "присыпать" все еще существующую пропасть между властью и народом.

Итак, через все особенности, зигзаги, перевороты российской истории лейтмотивом проходит ведущая, определяющая роль государства и связанного с ним общественного слоя. В этом общем кроются и свои особенности социальной борьбы за государственный руль, за связанные с доступом к нему блага, за большую или меньшую независимость от государства, основанную на гарантиях частной собственности.

Структурообразующим каркасом данного процесса является СЭГ России, в котором государственность, даже державность, и соборность, даже общинность, являются, как отмечалось выше, историческими доминантами. Обе они в большей или меньшей мере противостоят рынку. Поэтому переход к нему будет длительным и болезненным, связанным с перестройкой самого СЭГ.

Возможно ли это? Да, возможно. Подобную перестройку пережила Япония, начиная с "Мэйдзи исин" 1867-1868 годов и особенно после Второй мировой войны. Изолированная от остального мира, страна превратилась в один из крупнейших мировых экономических центров, сначала успешно заимствуя, а затем и создавая новые технологии, новую информацию. Новые черты СЭГ здесь выросли на генетической основе готовности заимствовать и умения освоить новое - в свое время это были китайские иероглифы и культура, элементы буддизма и т.п. Свой путь в соответствующих формах прошли и другие страны "догоняющего развития".

Для России исторически характерен рваный ритм этого процесса, причем обычно он инициировался военными поражениями, после которых страна мучительным рывком на какое-то время вырывалась вперед. Потом этот импульс ослабевал, наступал застой до нового рывка. Хотя Россия извечно готовилась к войне, когда она наступала, выявлялась неготовность к ней. Так было во время Ливонской войны Ивана Грозного и в начале Северной войны Петра Великого, так было уже в XX веке во время русско-японской, Первой мировой и в начале Великой Отечественной войн. Да и теперь важным подспудным импульсом процесса реформ является известное чувство "поражения" в холодной войне с Западом. Во многом сходный характер имело развитие Германии после поражения в Первой мировой войне, а после разгрома во Второй мировой войне немецкий народ и правительство ФРГ нашли в себе силы для рывка без подготовки к новой войне.

Я полагаю, что со сменой поколений и в России произойдет отход от привычного типа развития, и оно будет определяться иными экономическими, политическими, социально-психологическими факторами. В общей форме можно сказать, что это будет связано с возрастанием ценности человеческой личности. Меня радуют любые, тем более нарастающие, признаки такого поворота, пусть пока не столько в политике верхов, сколько в поведении низов, особенно молодежи. Они изживают комплекс раба, вколотый опричниками Грозного, своеволием Петра, николаевскими чиновниками, кровавым террором большевиков.

По какому пути пойдет в будущем наша страна? Дать более или менее обоснованный долгосрочный научный прогноз сегодня представляется затруднительным, если не невозможным. Слишком много неопределенных, в том числе и субъективных, внутренних и внешних факторов, слишком много стечений обстоятельств пришлось бы учитывать. Одно ясно - воздействие названных выше факторов, особенно доминант развития России будет по-прежнему велико. Вопрос лишь в том, продолжатся ли поиски державности на прежних путях угроз, военной силы или они трансформируются в стремление добиваться мирового признания величия державы на путях мирного технологического, экономического и культурного прогресса. Та же проблема стояла

совсем недавно (после Второй мировой войны) перед потерпевшими поражение Германией и Японией и перед победившими в войне, но пережившими распад своих колониальных империй Великобританией и Францией. Все они не без помощи извне, не без рецидивов (вспомним Вьетнам, Суэц, Алжир) выбрали второй путь. Россия еще окончательно выбор не сделала - во всяком случае так думают многие ее соседи, стремящиеся в НАТО.

Несомненно, сказывается и скажется в будущем также фактор общности и все, что с ним связано. Пока это выражается в непомерной нагрузке на государство и его бюджет, как и в "размазывании" государственных субсидий по всем получателям, в тенденции к их уравниванию. В дальнейшем вполне вероятно сохранение и даже укрепление каких-то коллективистских, артельных форм хозяйствования, причем далеко не всегда эффективность будет единственным критерием их выбора. Правда, Япония нашла пути весьма эффективного использования своеобразных коллективистских начал в своей экономике. Сумеет ли мы найти и здесь свой путь, покажет будущее. Вполне возможно, что его указал А. Солженицын в своей работе "Как нам обустроить Россию?". Прекрасно понимая особенности своей страны, он с особой силой подчеркнул путь децентрализации власти, которая должна не передаваться сверху вниз, а органически вырастать "снизу вверх" - от земств, на базе общественного самоуправления.

Но как бы то ни было, нет оснований для интеллигентских причитаний и злобствующих коммуно-националистических наветов о мнимом "конце России", о безысходном тупике, в котором она оказалась. Труден путь, но ведет он к свободной, великой и зажиточной России - впервые таковой для всех ее граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
2. *Майминас Е.З.* Процессы планирования в экономике: информационный аспект. Глава 3. Вильнюс, 1967.
3. *Майминас Е.З.* Социально-экономический генотип общества // Постигение. М., 1989.
4. *Майминас Е.З.* Контексты экономической реформы // Постигение. М., 1989.
5. *Майминас Е.З.* Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. №9.
6. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
7. *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
8. Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 1.

Е. Майминас, 1998